

А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева **Тест на ислам: перспективы этнографического изучения религиозной традиции на современном этапе (На примере сельских поселений тоболо-иртышских татар)**

В последнее десятилетие наблюдается несомненный рост исследовательского интереса к феномену сибирского ислама. В книге, выпущенной в 2000 г., британский историк российского происхождения Равиль Бухараев главу, посвященную исламу в Сибири, назвал “Terra Incognita” [Bukharaev, 2000, p. 251–266]. Несмотря на то, что статьи, главы монографий, материалы научных конференций, посвященные данной тематике публиковались и ранее (см., например: [Белич, 1997; Валеев, 1992; Влияние ислама, 1998; Ислам, общество, 1994; DeWeese, 1994; İnan, 1968; Frank, 1994] и др.), отчасти эта метафора отражала тогдашний уровень знаний о Сибири в мировом исламоведении.

Однако за прошедшие десять лет ситуация существенно изменилась. В том же 2000 г. выходит специальный номер журнала “*Cahiers du monde russe*”, практически все статьи которого посвящены исламу в Сибири [Dudognion, 2000, p. 207–444; Селезнев, 2001]. А затем, на протяжении всего первого десятилетия XXI в. работы, так или иначе затрагивающие тематику сибирского ислама, идут непрерывным потоком. Тематически эти работы включают в себя публикацию документов, историографические и источниковедческие очерки, исторические и антропологические исследования [Белич, 2005; Валеев, Томилов, 2006, с. 62–121; Ислам в истории и культуре, 2004; Ислам на краю света, 2007; Исхаков, 2004, с. 83–84; Исхаков, 2006а, с. 165–170; Исхаков, 2006б, с. 105–112; Исхаков, Измайлов, 2007, с. 295–296; Корусенко, 2003; Рахимов, 2006; Селезнев, Селезнева, 2004; Файзрахманов, 2002]. Подводя промежуточный итог в 2009 г., Стефан Дюдюаньон констатировал полноценное включение сибирских материалов в мировой исламоведческий процесс. Автор отметил формирование двух подходов к изучению ислама в Сибири — исторического и антропологического, и наличие двух школ — в Омске (Россия) и в Блумингтоне (Индиана, США) — в изучении этого феномена [Dudognion, 2009, p. 80–86]. Несколько позже была опубликована совместно с

И.В. Беличем наша книга, посвященная культуре святых в сибирском исламе [Селезнев и др., 2009].

Основной массив источников для этой и предыдущих наших работ был собран в ходе полевого обследования сельских населенных пунктов сибирских татар (тоболо-иртышская этнотерриториальная группа) северных районов Омской и южных районов Тюменской областей в начале XXI в. Таким образом, с точки зрения основного источника исследование охватывает современный период. Но основная проблематика работы — историко-культурная. Прежде всего нас интересовали аспекты генезиса и исторического развития тех или иных религиозных институтов. Примером такого подхода может служить историко-культурный анализ концепта и соответствующего религиозного института *астана* [Селезнев, Селезнева, 2009].

Однако уже в ходе исследования в качестве своеобразного проблемного фона обозначился аспект *социального* анализа фиксируемых этнографических явлений. Постепенно оформилась рабочая гипотеза, согласно которой представления об этнической культуре группы тоболо-иртышских татар были тесно связаны с исламским фактором и, в значительной степени, этнокультурная идентичность совпадала с исламско-религиозной идентичностью. Однако в период научного изучения (XVIII и особенно XIX–XX вв.) формирование мусульманской религиозной культуры протекало в условиях отсутствия развитой теологической традиции, широкого религиозного дискурса, неформальности школ и течений. Фактически процесс сложения этноконфессиональной общности проходил на базе синкретичного по характеру, регионального, «народного» варианта ислама со сравнительно незначительной и тоже в общем-то фольклорной по происхождению письменной традицией. В силу перечисленных выше обстоятельств, можно предполагать, что процесс формирования, строительства элитами представлений о религиозной этнической культуре и соответственно сложение этноконфессиональной общности на основе этих представлений может быть зафиксирован и изучен этнографическими методами. Иными словами, в случае сибирских татар и их этнотерриториальных групп мы встречаемся с тем довольно редким для нашей страны случаем, когда процессы формирования этнорелигиозного (и фактически — просто этнического) сознания необходимо изучать главным образом с помощью не исторических, а этнографических источников и методов. Это связано с тем, что указанные процессы имели место в относительно близком прошлом, и это прошлое может фиксироваться этнографическими методами; более того, эти процессы протекают и сейчас, являясь существенным фактором современного этнического развития сибирских татар.

Но в настоящее время, когда расширились информационные связи с другими частями мусульманского мира, начался процесс деконструкции традиционных представлений о мусульманской идентич-

ности. И сейчас мы являемся свидетелями того, как и какие изменения происходят внутри общины, насколько конфликтны они могут быть и как эти конфликты могут выражаться: ограничатся внутриобщинными и внутрисемейными взаимосвязями, либо выйдут за эти пределы. Здесь на практике в «этнографическом поле» можно наблюдать процессы сохранения и изменения этноконфессиональной идентичности, происходящие на современном этапе, взаимодействие религиозного и секулярного в конкретной этнической среде; влияние социальных элит на формирование представлений о новой этноконфессиональной культуре и связанные с этим вопросы сохранения и изменения религиозных и культурных ценностей на фоне процессов глобализации и унификации. По сути, речь идет о возможности «живой», непосредственной фиксации процессов формирования культурных идентичностей на основе локального варианта мировой религии, роли религиозных элит в этих процессах. Важно, что такого рода исследования предоставляют достоверный конкретно-исторический материал для проверки устоявшихся схем во взаимоотношениях религии и общества и получения новых данных, позволяющих выявлять механизмы и факторы проявления этнорелигиозной идентичности.

Конечно, для проведения полноценного исследования по поднятым вопросам необходима специальная программа. Тем не менее имеющийся этнографический материал по культу святых в исламе в Сибири может быть осмыслен и интерпретирован в направлении рассмотренных выше аспектов.

Так, например, известно, насколько высок в исламских общинах тоболо-иртышских татар статус смотрителей за священными могилами — *астана*. Круг обязанностей смотрителей (*астана-караульце*, *астана-курайте*) широк — это и сбор средств на установку и поддержание памятника, и организация ежегодного паломничества *тавап*, и проведение поминальных молитв. Получение дара смотрителя является следствием определенных обстоятельств (например, явление захороненного святого во сне) и сопровождается специальными обрядовыми действиями. Право смотрителя легитимизируется представлениями о духовном (а иногда и реальном) родстве с похороненным в данной местности святым.

Одна особенность привлекла наше внимание. Едва ли не большая часть наших собеседников — смотрителей за священными могилами — были женщины. В нашей книге присутствуют образы этих замечательных женщин — С.С. Хучашева и А.С. Шихова — смотрители за астаной с. Баишево Вагайского района Тюменской области; В.А. Шуркина — смотрительница за астаной на оз. Кульчан того же района; Ф.А. Ахметчанова — смотрительница за астаной у д. Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. Между тем традиционно функции смотрителей передавались по мужской линии и соответственно эти обязанности могли исполнять только мужчины. По мнению

некоторых респондентов, нарушение традиционного порядка обретения дара зрителя произошло вследствие прямых репрессий против мужчин, исполнявших религиозные функции (зрителей, мулл и т.п.). Немаловажное значение имело, вероятно, и понижение статуса религиозного лидера, явившееся следствием воинствующей антирелигиозной пропаганды.

Интересна в плане обсуждаемой проблемы судьба Фархичамал Агатовны Ахметчановой (Юмашевой), 1927 года рождения, зрительницы за священной могилой-астаной, расположенной близ д. Саургачи Усть-Ишимского района Омской области. В 2006 г., в ходе экспедиции, нам удалось с ней встретиться и взять большое интервью, содержание которого подробно изложено в нашей книге [Селезнев и др., 2009, с. 111, 143–144]. Каждый четверг Ф.А. Ахметчанова совершала молитву *котым* в память похороненных на астане подвижников-*йохшилар*. Кроме того, в обязанности зрителя входил сбор *садаки* и организация специальной трапезы — *астана-ош* или *йохшиларнын-ош*, которая также происходила по четвергам после возвращения с астаны. Информатор сообщила, что в ее роде из поколения в поколение передавалась *сэцэра* (родословная) в виде книжки, и ее обладатель получал статус зрителя. Некоторое время назад эта *сэцэра* была утеряна. Ее заменил новый документ, состоящий из одного листа, который хранился у Фархичамал Агатовны, пока она не отдала его в мечеть районного центра Усть-Ишим.

В процессе нашей беседы Фархичамал Агатовна показала нам запись генеалогической линии своих предков из рода Юмашевых по мужской линии. Напротив каждого из имен, входящих в схему, стояла дата рождения. Документ содержал запись 14 поколений, причем датой рождения основателя рода Саурана, от имени которого происходило и название деревни Саургачи, значился 1644 год.

Интересно, что независимые архивные исследования выявили высокую степень достоверности данной схемы. По архивным материалам эта генеалогическая линия прослеживается до Наурусова Сеитбаги (Саитбаки Навризовича), имя которого упоминается как в зафиксированном нами документе, так и в ревизии 1795 г. На основании материалов ревизий и Первой всероссийской переписи 1897 г. исследователям удалось реконструировать генеалогическую линию рода Юмашевых [Корусенко, Кулешова, 1999, с. 172].

По семейному преданию, этот род принадлежит к духовному сословию шейхов — *шихляр* и, возможно, саййидов. Основатель рода — Саурчан — был шейхом (*ших*), прибывшим для распространения веры. Его сопровождали еще двое шейхов, но их имена неизвестны. Саурчан основал деревню, которая стала называться по его имени Саургачи. В этой связи, кстати, кажется неслучайным сходство этого топонима с именем города Сауран, располагавшегося неподалеку от Сырдарьи, в 35 км северо-восточнее г. Туркестана. Именно на Сауран шла одна из

важнейших торговых дорог из Сибири [Бахрушин, 1959, с. 195; Байпаков, 1998, с. 19, 65–70; Байпаков, Смагулов, 2005].

Из этого рода выходили смотрители за священными могилами астана — *астана-курайте*. Во всяком случае, информатор твердо утверждает, что ее отец — Агад Картукович выполнял обязанности смотрителя и обладал *сэцэра*. По правилам, наследование статуса смотрителя должно происходить по мужской линии. Именно так и было в роду Юмашевых. Но в XX в. эта традиция оказалась нарушенной, и статус смотрителя перешел к женщине. Так, Агад Юмашев передал (был вынужден передать?) *сэцэра* вместе с полномочиями смотрителя бабушке Сульхиче Аминовой (Юмашевой). Дальнейшая история передачи полномочий не до конца ясна. Смотрителем стала либо тетя информатора Инаш Картуковна, либо ее сестра Ситиха Агатовна. Во всяком случае в 1995 г. получила свой статус смотрителя сама Фархичамал Агатовна.

Эти обстоятельства влекли за собой нарушение других запретов. В частности, Ф.А. Ахметчанова вынуждена была посещать астану во время поминок *котым*, хотя, по обычаю, посещение астаны женщинами табуировано. В ходе разговора Фархичамал Агатовна неоднократно подчеркивала, что выполнение обязанностей смотрителя связано с большими трудностями. Действительно, даже еженедельная организация сбора *садаки*, *котыма* и *астана-ош* требует больших затрат душевных и физических сил. Но кроме того, смотритель должен обладать совершенно определенными моральными качествами, вести добродетельную жизнь, быть благочестивым в мыслях и поступках. На момент нашей встречи Фархичамал Агатовна была больна, ей все труднее было справляться со своими обязанностями. Необходимо было передавать полномочия, а подходящей кандидатуры не было. Наступившие времена явно не способствуют праведности и бескорыстному духовному служению...

Следует подчеркнуть, что тайно священные могилы почитались верующими в течение всего советского периода. Например, приведенная нами в книге, полная драматизма история о получении дара смотрительницы Шуркиной (Иксановой) Варакой Абдулхаировной случилась в середине 1940-х гг., т.е. в самый пик сталинского тоталитаризма. Приобретению функций смотрительницы предшествовали такие «архетипические» обстоятельства, как явление юной девушке во сне павших в этой местности святых с предложением поставить на месте их захоронения деревянный мавзолей и длительная болезнь с неясными симптомами с последующим внезапным выздоровлением после принятия судьбоносного решения об изменении статуса.

Следует отметить, что «агиографические» предания о похороненных на астана святых подвижниках широко распространялись на протяжении всего советского периода. В перестройку и в постсоветский период роль института священных мест астана увеличилась. «Открытие» мест захоронений святых предков, возведение на этих местах

деревянных мавзолеев стали важным элементом самоидентификации для жителей почти всех поселений тоболо-иртышских татар. Высокий уровень значимости обрели коллективные паломничества, молитвы и жертвоприношения, связанные с астаной. Одновременно наблюдается возвышение статуса представителей религиозной элиты, связывающих свое происхождение с похороненными святыми подвижниками. Повидимому, в близком будущем следует ожидать усложнение процесса легитимизации связей религиозной элиты со святыми предками.

Пожалуй, самое сильное впечатление оказывают целые библиотеки арабографических рукописных и печатных татарских книг и свитков, хранящихся в деревенских домах среди глухой сибирской тайги. Интересно, что ранние описания арабографических сибирско-татарских книг были выполнены по инициативе Русской православной церкви. Значительное количество материалов об этих книгах, датированных первой половиной XVIII столетия, сохранилось в архиве Тобольской Духовной Консистории. Появление этих материалов связано с попытками обращения в христианство сибирских татар-мусульман. Разумеется, эти материалы характеризует активная, хоть и весьма наивная антиисламская риторика. Но в то же время следует признать довольно высокий уровень описания внешнего вида «книжек», а также любопытные подробности их ритуального применения: ношение «на грудях», помещение «в могилку», использование «...от мертвых тел савана или покрывала обрезанные лоскутки с ...заговорными на своем языке письмами...» и т.д. [ГУТО «ГАТ» Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001. Л. 6, 111об., 113об., 109об., 117об.; Д. 772. Л. 31]. Нам неоднократно приходилось держать в руках манускрипты, которые соответствуют архивным записям, в той, например, части, где говорится о маргиналиях, выполненных красными чернилами. Подтверждаются современными материалами и ритуальные особенности функционирования манускриптов, связанная с ними обрядность, включенность их в религиозную культовую практику.

В советский период отношение государства к мусульманским книгам религиозного содержания также носило враждебный характер. Власти конфисковывали и уничтожали рукописные книги в рамках борьбы против религиозной пропаганды. Верующие противодействовали этим акциям всеми возможными способами. Книги прятали, хоронили вместе с умершими владельцами в могиле, просто закапывали в лесу.

Сейчас уже почти никто из местных жителей не может прочитать эти книги, однако они активно используются в качестве ритуальных votивных артефактов. Более того, именно невозможность прочесть и понять смысл книг определяет их высокий уровень святости. Книги соединяют мусульман с традициями предков. Эти артефакты рассматривают как главный индикатор ассоциации с исламским обществом, в некотором роде как символ возрождения ислама.

Не является чем-то особенным и обычаем захоронения в могилу священных религиозных текстов. Информаторы неоднократно сообщали нам, что в могилу необходимо класть листы с арабографическими текстами, причем именно в область груди погребенного. Жительница д. Ашеваны Усть-Ишимского р-на Омской области Хатира Вагитовна Алеева, 1924 г.р., не только продемонстрировала нам свое погребальное одеяние (рубашу *очмок куйлек* и платок *яулак*), но и показала, каким образом помещаются в могилу листы с арабографическими текстами. Она указала, что эти листы будут положены именно на грудь, чтобы покоящиеся под землей *аулийалар* смогли бумагу увидеть и написанное прочесть. Кроме того, информатор рассказала, что для духовного очищения необходимо съедать отрывающиеся кусочки бумаги с текстами.

В целом можно констатировать, что происходит формирование религиозной и национально-культурной специфики. Религиозная элита, включая смотрителей за священными могилами подчеркивает духовные и генетические связи с похороненными святыми, а некоторые из них выводят свою генеалогию даже от Пророка. Наблюдается рождение новых групп элит, представлений о культурной, этнической, религиозной идентичности. Подобные процессы имели место во второй половине XIX — начале XX столетия, но были прерваны или заменены известными радикальными преобразованиями советской эпохи.

В заключение, набрасывая примерную программу этнографического обследования ежедневной жизни конкретной религиозной общины в рамках одного поселения (реже 2–3 поселений) сибирских татар, считаем необходимым выделить следующих направлений полевой работы:

1. Выявление роли и функций местных религиозных элит, составляющих «фокус-группу» исследования: муллы, имамы, учителя; группы обычно пожилых людей, регулярно осуществляющих и организующих религиозные обряды; особого штата смотрителей за культовыми комплексами — местами захоронений местных святых. В этом блоке особое внимание должно быть уделено мотивам легитимизации возложенных на эти лица функций: личные качества, генеалогическая линия (выводящаяся из Центральной Азии, а то и напрямую от Пророка, и т.п.), религиозное образование, знание местных обычаев и специфики отправления обрядов и пр.

2. Выявление роли социальных групп, составляющих религиозную общину: женщин, молодежи, стариков и пр. в их отношениях к религиозному фактору. Этот же блок включает изучение приемов религиозной социализации детей.

3. Изучение мобилизующих и консолидирующих факторов культа святых — универсального для всех областей распространения мусульманской религии, однако обладающего ярко выраженными региональными, тесно связанными с местными традициями специфическими чертами, инкорпорированными в систему народной, традиционной ре-

лигиозной культуры, и в высокой степени адаптированными к местным верованиям и культурам.

4. Анализ письменных рукописных источников, получивших распространение в среде сибирских мусульман. Выше отмечалось, что общественный религиозный дискурс в сибирском исламе не вылился в регулярную литературную традицию, тем более — в выделение группы интеллектуалов, специально занимающихся вопросами теологии и философии, как это имело место, например, в Центральной Азии или Поволжье. Тем не менее своя традиция рукописных религиозных произведений здесь существовала. В последнее время разными группами исследователей данные тексты выявляются, активно переводятся и исследуются с источниковедческой точки зрения. Создание большей части таких произведений относится к XVIII–XIX вв., что, в частности, определяет нижнюю хронологическую границу предполагаемого исследования. Упор в этих исследованиях будет сделан на хронологию (исходя из дат создания письменных памятников — последние обычно более или менее точно выявляются в ходе источниковедческого анализа), а также на генетические связи, истоки сибирского ислама, информация о которых также извлекается из рассматриваемых письменных источников. Разумеется немаловажное значение имеет авторство этих сочинений с точки зрения раскрытия роли элитарных религиозных групп, а также вотивная функция книги, ее сакральный аспект.

5. Фиксация, перевод и научная критика фольклорного материала религиозного содержания. Вообще, религиозный фольклор является частью этнографического материала, но мы выносим его изучение в качестве отдельной задачи в связи с его спецификой, необходимостью применения кроме историко-этнографических еще и филологических методов исследования. Особое внимание должно быть уделено фольклорным текстам, произносимым в ходе обрядовых действий религиозного характера (а это практически весь комплекс обрядности): поминальным молитвам *катым*, благопожеланиям *теляк*, историко-религиозным агиографическим легендам, преданиям семейного цикла генеалогического характера, обосновывающим религиозное лидерство того или иного лица или группы лиц.

Источники и литература

- Байпаков, 1998 — *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.
- Байпаков, Смагулов, 2005 — *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.
- Бахрушин, 1959 — *Бахрушин С.В.* Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 4. М., 1959.
- Белич, 1997 — *Белич И.В.* Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.
- Белич, 2005 — *Белич И.В.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н.Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005, № 6.
- Валеев, 1992 — *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992.
- Валеев, Томилов, 2006 — *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Сибирские татары // Тюркские народы Сибири. М., 2006.
- Влияние ислама, 1998 — Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600-летию ислама в Сибири). Тюмень, 1998.
- Ислам в истории и культуре, 2004 — Ислам в истории и культуре Тюменского края. Тюмень, 2004.
- Ислам на краю света, 2007 — Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 1. Источники и историография. Тюмень, 2007.
- Ислам, общество, 1994 — Ислам, общество и культура. Омск, 1994.
- Исхаков, 2004 — *Исхаков Д.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004.
- Исхаков, 2006а — *Исхаков Д.* Введение в историю Сибирского ханства. Казань, 2006.
- Исхаков, 2006б — *Исхаков Д.* Ислам в позднезолотоордынских татарских ханствах // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006.
- Исхаков, Измайлов, 2007 — *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). Казань, 2007.
- Корусенко, 2003 — *Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск, 2003.
- Корусенко, Кулешова, 1999 — *Корусенко С.Н., Кулешова Н.В.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. Новосибирск, 1999.

Рахимов, 2006 — *Рахимов Р.Х.* Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень, 2006.
Селезнев, 2001 — *Селезнев А.Г.* Об одном успешном международном проекте Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (к выходу в свет книжки *En islam siberian*. Paris: Edition de l'EHESS, 2000. P. 341–356. (Cahiers du monde russe, 41/2–3) // История и культура Сибири. Омск, 2001.
Селезнев, Селезнева, 2004 — *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск, 2004.
Селезнев, Селезнева, 2009 — *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Концепт астана и культ святых в исламе // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009.
Селезнев и др., 2009 — *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009.
Файзрахманов, 2002 — *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времён до начала XX века). Казань, 2002.

Bukharaev, 2000 — *Bukharaev R.* Islam in Russia: the Four Seasons. Richmond, 2000.
DeWeese, 1994 — *DeWeese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.
Dudognion, 2000 — *En islam Siberian* // Cahiers du monde russe / S.A. Dudognion, ed. 2000. N 41/2–3.
Dudoignon, 2009 — *Dudoignon S.A.* Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects // Asiatic Russia: Partnerships And Communities In Eurasia. New Delhi, 2009.
Frank, 1994 — *Frank A.* The Siberian Chronicles and the Taybughid Biys of Sibir'. Bloomington, 1994.
İnan, 1968 — *İnan A.* Sibirya'da islâmiyetin yayılışı // Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. Ankara, 1968. Ser. 7. Sa. 50.

Сокращения

ГУТО «ГАТ» — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска»